

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 47.

29 НОЯБРЯ 1859.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 р. с. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 р. с.; иногородные прилагаютъ за пересылку 1 р. 50 к. с.

Подписка принимается на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ.

Въ Москвѣ, въ магазинахъ: музыкальномъ Ленгольда, и въ книжномъ Базунова.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ № 1 со всеми приложеніями.

Къ № 47-му прилагаются: Арія знаменитаго пѣвца Страделла, романсъ изъ оперы „Любовный напитокъ“ и XI книга „Драматическаго Сборника“.

Содержаніе: ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ. — ПЕРВЫЙ ВЕЧЕРЪ РУССКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА. — О НАГРАДАХЪ ОБЩЕСТВА ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА. — ПОЧЕМУ НѢТЬ ТЕАТРА у ЕВРЕЕВЪ? ВѢСТИ ОТСЮДУ. — ВОСПОМИНАНІЯ МУЗЫКАНТА (Адольфа Адана). Окончаніе.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Отелло въ новомъ переводѣ. — Италіянская опера. — Открытіе Михайловскаго Театра. — Бенефисы: г. Мондидье и г-жи Моргагенъ.

Въ бенефисъ г. Леонидова, 25 ноябля, данъ былъ въ переводѣ г. Вейнберга, «Отелло». Роль Отелло игралъ г. Леонидовъ, Дездемоны—г-жа Сибткова 3 и Яго—г. Максимовъ 1.

Возобновленіе «Отелло» было прекрасной мыслью и г. Леонидова, и г. Вейнберга. Объ исполненіи трагедіи мы будемъ говорить подробнѣе при слѣдующихъ представленіяхъ, число которыхъ, какъ можно ожидать, будетъ значительно, потому что исполненіе это удовлетворяетъ строгимъ эстетическимъ требованіямъ. Теперь мы ограничиваемся тѣмъ, что скажемъ объ общемъ впечатлѣніи, произведенномъ игрою г.г. Леонидова и Максимова и г-жи Сибтковой.

Отелло переданъ психологически вѣрно, хотя не всѣ сцены и мѣста роли удались вполне г. Леонидову; но пятый актъ

почти весь, и въ особенности то мѣсто, когда Отелло узнаетъ уже невинность Дездемоны, въ игрѣ г. Леонидова было цѣлое море чувства; впечатлѣніе на зрителей было полно и сильно. Мѣсто это вызвало единодушный и громкій аплодисментъ. Находятъ, что г. Леонидовъ во многомъ очень удачно слѣдовалъ примѣру Олриджа. Для выраженія страстно-нѣжныхъ чувствъ Отелло, средства г. Леонидова казались слабыми, и къ тому же дикція его въ этихъ мѣстахъ портила экспрессию. Вообще идея гениальнаго произведенія Шекспира передана г. Леонидовымъ съ полнымъ пониманіемъ ея; но не вездѣ средства г. Леонидова позволили ему вполне выразить идею.

Г-жа Сибткова 3 является симпатичной, юной, прелестной Дездемоной, но выраженіе чувства любви, хотя не порывистаго и страстнаго, но безпредѣльнаго и поглотившаго всѣ другія чувства, намъ казалось нѣсколько слабымъ; роль Дездемоны есть самая лучшая изъ всѣхъ ролей амплуа г-жи Сибтковой, потому что здѣсь представляется для игры безграничное поприще; судя по настоящему дебюту, можно надѣяться, что г-жа Сибткова присвоитъ себѣ эту роль на нашей сценѣ.

Яго былъ переданъ г. Максимовымъ вполне художественно, необыкновенно ярко и рельефно; лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ мы находимъ, нужно было болѣе сосредоточенности, чѣмъ это было у г. Максимова, придававшего монологамъ Яго нѣкоторый гамлетизмъ, что впрочемъ было художественно и каждый разъ имѣло успѣхъ, выражаемый аплодисментомъ.

О переводѣ г. Вейнберга находимъ справедливымъ замѣтить, что многіе монологи Дездемоны тяжеловаты по языку и напоминаютъ собою нѣсколько переводы тридцатыхъ годовъ; это обстоятельство, по нашему мнѣнію, много мѣшало игрѣ г-жи Сибтковой, вовлекая ее въ трудную декламацию.

А. Г—ФОВЪ.

Кромѣ *Отелло* на русской сценѣ (въ новомъ переводѣ), замѣчательными явленіями прошедшей недѣли были: выходъ г. Кальцолари, въ первый разъ по болѣзни, въ Итальянскѣ въ Алжирѣ, и открытіе Михайловскаго Театра. Въ настоящее время Кальцолари принадлежитъ къ числу любимцевъ публики, теперь уже мнѣнія о немъ не раздѣлены, и все согласны, что онъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ теноровъ; болѣзнь такого артиста, конечно, возбудила всеобщее участіе, и появленіе его (въ среду) въ одной изъ лучшихъ его ролей, было для него истинной оваціей. При появленіи ему поднесенъ былъ роскошный букетъ. Мы слышали, что на репетиціи оркестръ встрѣтилъ г. Кальцолари шумными рукоплесканіями; сочувствіе зрѣтелямъ таланту дѣлаетъ большую честь артистамъ нашего оркестра. За тѣмъ объ оперѣ не имѣемъ пока сказать ничего новаго. Скоро пойдетъ «Сорока-Воровка», отчетомъ не замедлимъ. Болѣзнь Г-жи Лагруа приостановила представленіе «Трубадура», и въ слѣдствіе этого мы все еще не можемъ поговорить подробнѣе о новомъ баритонѣ, г. Джиральдоні (*). Объ исполненіи «Трубадура» явились на прошедшей недѣлѣ подробные разборы въ другихъ газетахъ. Г-г. рецензенты, желая быть по возможности любезными въ отношеніи нашихъ артистовъ и въ особенности артистокъ, употребили все усиліе каждое свое замѣчаніе усладить конфетами и комплиментами, но сквозь конфеты проглядываетъ мѣстами соль; при внимательномъ чтеніи статей читатель прійдетъ болѣе или менѣе къ слѣдующему результату: Г-жа Лагруа вознаграждаетъ недостатокъ методы замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ, увлекающимъ массу, у Г-жи Шартонъ менѣе драматизма, но болѣе методы; Г-жа Нантье-Дидье украшеніе нашей труппы, замѣчательная пѣвица и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасная актриса; г. Джиральдоні пріятный баритонъ, (высокій) у него хорошая метода, но качества его голоса еще нельзя было вполне оцѣнить, — вообще составъ труппы весьма удовлетворителенъ. Все это высказано уже было въ нашихъ отчетахъ, только въ сжатомъ видѣ. — Въ нынѣшнемъ году нашъ климатъ очень дурно отрекомендовалъ себя нашимъ артистамъ и все почти должны были заплатить ему свою дань; но теперь погода, кажется, установилась, и артисты поправились; надѣемся, что за тѣмъ больше ничто не возмутитъ хода нашихъ оперныхъ дѣлъ, и репертуаръ опять оживится; пока мы полюбовались великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое представлялъ вновь передѣланный залъ Михайловскаго Театра, въ четвергъ вечеромъ, въ день открытія его. Въ этотъ вечеръ, даже «бѣдный молодой челоѣкъ», который открылъ рядъ французскихъ спектаклей, не возбуждалъ въ сострадательныхъ зрительницахъ того участія, съ которымъ онѣ его обыкновенно привѣтствуютъ; на этотъ разъ всѣхъ занималъ новый залъ; сыпались похвалы повому архитектору и его помощникамъ, отъ времени до времени слышны были и замѣчанія: безъ замѣчаній нельзя же, иначе и знатоковъ не будетъ; но общее впечатлѣніе было въ пользу новаго зала. Полный залъ, оживленные лица, изысканныя туалеты придавали этому вечеру какой-то праздничный видъ, а веселая улыбка, оживляющая личики прелестныхъ зрительницъ вполне обнаруживала ихъ удовольствіе, что имъ удалось попасть на первое представленіе — вѣдь не присутствовать при открытіи Театра—истинное несчастіе, какъ же не радоваться тѣмъ, которые попали? но шутки въ сторону: какъ мы уже говорили, перестройка Михайловскаго Театра дѣлаетъ большую честь г.

(*) Неожиданно «Трубадура» данъ былъ въ пятницу, но г. Джиральдоні внезапно охрипъ, и вмѣсто него окончилъ оперу г. Дебассини.

Кавосу и его помощникамъ; — въ прошедшее воскресенье мы представили уже въ общихъ чертахъ описаніе Театра; мы скоро исполнимъ наше обѣщаніе поговорить о немъ подробнѣе.

Въ началѣ спектакля г. Бертонъ прочелъ съ одушевленіемъ, соотвѣствующимъ празднеству открытія Театра прологъ (въ стихахъ), соч. г. Варле. Содержаніе пролога сообщимъ въ слѣд. №.

Намъ остается на сегодня сказать нѣсколько словъ о бенефисахъ г. Мондидье и Г-жи Моргагенъ (въ прошедшую субботу) Капитальною пѣсней перваго была драма *André Gerard*, а второй — *Бенвенуто Челлини*. — Андре Жераръ растянутая пяти-актная пастуханья, мѣстами трогательная до слезъ чувствительныхъ зрительницъ, но тѣмъ не менѣе принадлежащая къ слабѣйшимъ произведеніямъ даровитаго писателя Виктора Сежура; — однимъ словомъ, это наборъ сценъ, встрѣчающихся почти во всѣхъ французскихъ мелодрамахъ. Пѣса эта написана для извѣстнаго актера Фредерика Леметра, и авторъ изыскалъ ситуаци и эффекты специально подходящіе къ дарованію и средствамъ этого любимца парижской публики — поэтому хотя пѣса и не имѣла въ Парижѣ успѣха, но поклонники таланта Леметра ходили смотрѣть ее ради своего любимца, а теперь раздирающая драма поконится уже на полкахъ архива театра *Одеонъ*, и не знаемъ, почему г. Мондидье нарушилъ этотъ покой, развѣ тоже ради эффектной роли, а то скучная пѣса, вѣроятно, и у насъ долго не удержится. Мы не сомнѣваемся, что г. Мондидье исполнилъ главную роль несчастнаго отца семейства эффектно; но пѣса г. Сежура намъ была извѣстна еще до появленія ея на нашей сценѣ, и у насъ не хватило духу проскучать весь вечеръ; мы предпочли отправиться въ Нѣмецкій Театръ и не раскаиваемся. Бенвенуто Челлини, драма, хотя и не свободна совсѣмъ отъ французскихъ эффектовъ, но интересна уже по своему историческому содержанію и изображенію эпизода изъ жизни великаго художника, интересная личность котораго представлена довольно вѣрно; кромѣ того въ пѣсѣ много мѣстъ, исполненныхъ неподдѣльнаго чувства, разыграна она была весьма удовлетворительно, и на этотъ разъ мы съ удовольствіемъ провели время въ Нѣмецкомъ Театрѣ. Подробнаго разбора драмы не представляемъ потому, что она давно извѣстна нашей публикѣ; но прежде, чѣмъ скажемъ объ исполненіи, долгомъ считаемъ отдать полную справедливость бенефицианткѣ, Г-жѣ Моргагенъ, какъ переводчицѣ пѣсмы. Переводъ отличается изящнымъ слога, доказывающимъ, что Г-жа Моргагенъ на столько образованная, на сколько опытная актриса. Она принадлежитъ къ числу любимыхъ артистокъ нѣмецкой труппы, и скоро, какъ мы слышали, оканчиваетъ свое артистическое поприще (по крайней мѣрѣ у насъ). На долю ея выпала роль могущественной красавицы герцогини д'Этамнъ и въ настоящее время, конечно, роль эта не подходитъ къ ея средствамъ; но она исполнила ее по возможности добросовѣстно, и вѣроятно, взялась за нее въ качествѣ бенефициантки, притомъ у насъ на амплуа знатныхъ дамъ еще нѣтъ артистки, которая могла бы достойно замѣнить Г-жу Берндорфъ и мы предпочитаемъ лучше видѣть въ этихъ роляхъ Г-жу Моргагенъ, чѣмъ которую-нибудь изъ вновь поступившихъ въ нашу труппу актрисъ. Вообще, когда пѣсѣ исполняютъ артисты изъ прежняго состава, и въ Нѣмецкомъ Театрѣ нельзя соскучиться; впрочемъ драмы не могутъ быть, по нашему мнѣнію, исполняемы вполне удовлетворительно — на нѣкоторые амплуа у насъ не достаетъ хорошихъ артистовъ, а жаль, потому что любителей Нѣмецкаго Театра у насъ много, и еслибъ труппа была укомплектована, онъ былъ бы посѣщаемъ

гораздо болѣе, чѣмъ въ настоящее время: въ составѣ нашей группы находятся талантливые артисты въ родѣ г-жъ Альбрехтъ, Шенгофъ, Лангенгаумъ и Коргеръ и гг. Шварца, Толлерта, Брюнинга, Лоббе и Ландфогта; сѣдовало-бы только нѣкоторыя амплуа пополнить. — По упомянутымъ нами причинамъ и въ *Бенеуто Челлини* исполненіе нѣкоторыхъ ролей не могло насъ удовлетворить; но мы съ удовольствіемъ замѣтили, что г. Ландфогтъ, надѣленный отъ природы дарованіемъ, дѣлаетъ большіе успѣхи. Игра его обдуманна и главное — естественна, онъ видимо избѣгаетъ эффектированную декламацию, играетъ съ истиннымъ чувствомъ, и роль Челлини ему удалась; въ нѣкоторыхъ сценахъ мы замѣтили много задушевной теплоты; хотя мѣстами артистъ не могъ еще вполне освободиться отъ рутинной декламации, но онъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ, и если будетъ продолжать занимать созданіемъ своихъ ролей съ тѣмъ усердіемъ и пониманіемъ, съ какимъ онъ изучилъ трудную роль Челлини, то изъ него выйдетъ первостепенный актеръ; г. Ландфогтъ еще молодъ и надѣленъ прекрасною наружностію и звучнымъ органомъ. — *Бенеуто Челлини* доставилъ ему большой успѣхъ. Г-жа Шенгофъ вызвала громкія рукоплесканія въ роли Жанны. Она очевидно была проникнута положеніемъ своей роли и передала ее естественно, съ чувствомъ. Мы уже неоднократно говорили, что г-жа Шенгофъ весьма симпатичная артистка, — ее вызывали отдѣльно и вмѣстѣ съ г. Ландфогтомъ въ продолженіе и по окончаніи пьесы. Бенефициантъ поднесъ былъ букетъ, который она въ особенности заслужила въ качествѣ переводчицы. Хорошенькая г-жа А. Лангенгаумъ исполнила роль *Асканіо*. — О другихъ роляхъ не станемъ распространяться; роли королей у насъ не удаются. Г. Толлертъ (Францискъ I), какъ опытный актеръ, по крайней мѣрѣ, сумѣлъ сохранить нѣкоторое достоинство и не испортилъ роли, которая не въ характерѣ его дарованія; но Карлъ V...!! да лучше уже не спрашивайте. Въ заключеніе данъ былъ водеvilъ съ переодѣваніемъ «Ложа № 13-й», въ которомъ смѣшился г. Лоббе, и бойко спѣла нѣсколько куплетовъ и протапцовала качучу г-жа Коргеръ.

М. РАШНАПОРТЪ.

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕРЪ

РУССКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

(23 ноября).

Открытіе новаго Музыкальнаго Общества въ Петербургѣ и первая публичная дѣятельность этого общества — предметъ весьма важный для журнала, по музыкѣ, *спеціального*.

Но, приступая къ отчету о вечерѣ 23 ноября, пишушій эти строки считаетъ необходимымъ объяснить *личное свое положеніе* относительно вновь-открывшагося общества. Это предварительное объясненіе, сообразное съ господствующею нынѣ системою журнальной *ласности*, выставитъ въ настоящемъ свѣтѣ факты, которые иначе могли бы показаться читателямъ «загадочными» и послужить къ установленію вѣрнаго взгляда читателей на многія стороны самаго дѣла.

Превосходная цѣль общества, высказанная въ его обнародованномъ уставѣ (развитіе музыкальнаго образованія и вку-

са къ музыкѣ въ Россіи), призываетъ къ участію въ этомъ благомъ предпріятіи *всѣхъ русскихъ*, любящихъ музыку и занимающихся ею по мѣрѣ своихъ знаній и способностей.

Участіе въ дѣлѣ общественномъ, приношеніе своей лепты на пользу общую, вызываетъ очень логически въ устройствѣ возникающаго учрежденія порядокъ *коллегіальный*, т. е. собраніе разныхъ мнѣній *отъ всѣхъ желающихъ подать свой голосъ* на преуспѣваніе *общаго дѣла*, и, за тѣмъ, рѣшеніе вопросовъ, утвержденіе проектовъ и т. д., *по большинству голосовъ*. Гг. учредители общества такъ не сдѣлали; возмѣтивъ свою добрую мысль, несочли нужнымъ кликнуть кличъ по всей землѣ русской (или хотя бы по одному Петербургу, предоставивъ себѣ расширить размѣры общества въ послѣдствіи), — не захотѣли «поголосности», съ ея условіями равенства и братства, а предпочли сильно-вкоренившійся у насъ порядокъ «бюрократическій» «монопольный». Гг. учредители сами назначили себя *директорами* общества (т. е. превратили идею «общества» въ идею извѣстнаго кружка, извѣстной партіи), набирая за тѣмъ *почетныхъ* членовъ изъ людей богатыхъ, для полученія съ нихъ необходимыхъ Обществу суммъ, и называя также «членами» всѣхъ посѣтителей даваемыхъ обществомъ концертовъ.

Критическое обсужденіе каждой статьи «Устава» общества, теперь еще несвоевременно, потому что общество съ многихъ сторонъ еще не получило своей полной организациі. Мы здѣсь надобно было намекнуть только, что по самой системѣ, принятой обществомъ при его учрежденіи, видно, что *голоса* нѣсколькихъ русскихъ лицъ, спеціально занимающихся музыкою, и всю жизнь *старавшихся* о ея развитіи въ Россіи, могутъ быть со стороны общества *вовсе не приняты въ уваженіе*, могутъ остаться «гласомъ вопіющаго въ пустынь» потому только, что эти лица не принадлежатъ къ музыкальной «директоріи», чего бы не могло случиться, при системѣ коллегіальной. Слѣдовательно общее дѣло, вѣренное небольшому, «исключительному» кружку лицъ, взявшихъ на себя слишкомъ большую отвѣтственность, можетъ пострадать, можетъ уклониться въ разныя несправедливыя и невыгодныя для искусства стороны.

Приступивъ къ осуществленію «цѣлей» своихъ, т. е. къ концертамъ, подъ управленіемъ одного изъ директоровъ, общество, сколько мы извѣстно, само разошлось безмездныя приглашенія ко многимъ лицамъ въ Петербургѣ, *сколько нибудь замѣтнымъ въ публикѣ* съ музыкальной стороны. Постоянный сотрудникъ Театральн. и Муз. Вѣстника, *по музыкально-критической части, былъ обойденъ*. Этимъ рѣшительнымъ невниманіемъ русскаго музыкальнаго общества, ко мы, русскому, и работающему по музыкѣ много лѣтъ, съ большою горячностью и не въ совершенной безвѣстности, я не былъ удивленъ, замѣтивъ въ числѣ директоровъ общества особъ, ко мы лично не очень расположенныхъ; но сообразилъ потомъ, что во 1-хъ, «общество» должно ставить себя безконечно выше мелкихъ самолюбій и личныхъ расчетовъ; что во 2-хъ, общество не могло *помнить* мыѣ приобрести билетъ на всѣ концерты (что сдѣлано нашею редакціею, даже безъ внесенія моего имени въ списокъ) и что въ 3-хъ, если я буду бывать на концертахъ, то буду и *писать* объ нихъ (перифразируя изрѣченіе Декарта, я всѣ-таки «членъ» общества и членъ *съ голосомъ*, котораго гг. учредители *отнять* не могутъ. Такая соображенія должны убѣдить каждаго, что поступокъ общества со мною имѣетъ совсѣмъ иной, сначала ускользнувшій-было отъ меня, очень тонкій, деликатный и благородный смыслъ; общество нуждалось именно въ публич-

помъ голосѣ, *не изъ среды* членовъ своихъ, и оставило меня лицомъ совершенно *стороннимъ*, ни малѣйшимъ вниманіемъ со стороны общества «неподкупленнымъ», чтобы я тѣмъ безпристрастнѣ могъ обсуживать дѣятельность общества по всемъ ея отраслямъ.

Такое *доверіе къ самостоятельности* моей, какъ критика, весьма для меня лестно и заставляетъ меня по важности роли, которой я удостоенъ, тѣмъ съ болѣйшимъ тщаніемъ дѣлать оцѣнку дѣйствіямъ общества.

Прощу у читателей извиненія, что принужденъ былъ утруждать ихъ вниманіе на нѣсколько минутъ, въ пользу собственной моей особы, но, какъ изъ вышеизложеннаго читатели видятъ, это было для меня примымъ долгомъ благодарности обществу.

Теперь къ разбору, «*Sine ira et studio*»!

Вотъ программа *первго* вечера поваго музыкальнаго общества:

- 1.) Увертюра изъ оперы «Русланъ и Людмила» Глинки.
- 2.) Финаль 2 части изъ ораторіи «Іевѡай» Генделя, (хоръ изъ гг. любителей и любительницъ).
- 3.) Концертъ (G-dur). А. Рубинштейна, (имъ же исполненный).
- 4.) Финаль изъ неоконченной оперы Мендельсона «Лорелей» (соло г-жа Кочетова; хоры изъ гг. любителей и любительницъ.)
- 5) *Осьмая* симфонія Бетховена (F-dur).

Оркестръ изъ отборныхъ музыкантовъ Театральной Дирекціи. Дирижёръ — музыкальный директоръ общества, А. Рубинштейнъ. (Въ фортепіанномъ концертѣ К. Шуберта, «помощникъ» музыкальнаго директора).

Прежде замѣтокъ объ исполненіи, скажемъ слова два о *программѣ* концерта.

Она въ общемъ итогѣ — хороша, довольно интересна, особенно если припнать въ соображеніе всѣ трудности выбора большихъ вокальных піесъ по силамъ хора изъ любителей, еще едва организованнаго, и примиреніе разныхъ, враждебныхъ другъ другу, самолюбивыхъ стремленій въ выборѣ вокальных «соло».

Но есть однако одинъ, очень существенный, недостатокъ въ этой программѣ. Въ ней слѣшкомъ мало *русскаго*.

Печать *русскаго* музыкальнаго общества не состоитъ же въ однихъ буквѣхъ, вытисненныхъ на билетахъ, а должна оттиспуться и на музыкальных *дѣйствіяхъ* общества, съ перваго его шага.

Исключая увертюры «Руслана», этого одного куска, брошеннаго въ пастъ церберу патріотизма, *ося* программа перваго концерта *русскаго* музыкальнаго общества, въ *русской* столицѣ, могла бы принадлежать любому германскому «Musikverein» средней рѣки, гдѣ нибудь въ Галле или Мерзебургѣ. Разницы нѣтъ ни малѣйшей.

Почему бы вмѣсто посредственнаго, недраматическаго и рутиннаго финала «Лорелей» Мендельсона, невязать на первый разъ великолѣпнаго финала Глинки «Слався, слався, святая Русь», со всемъ блескомъ тройнаго хора, съ запѣвалами, съ военными трубами и колоколами? Вмѣсто хора изъ Генделевой ораторіи, безспорно отличнаго, но чужаго, неотечественнаго, и длинноватаго, можно бы тоже было избрать какой-нибудь хоръ *ѣрусскій*. (Тогда не было бы и лишнихъ, для перваго

раза, хлопотъ съ «переводами» нѣмецкихъ и англійскихъ текстовъ).

Одному Бетховену, какъ всемірному генію, всегда должно быть отводимо почетнѣйшее мѣсто въ программахъ каждаго «симфоническаго» учрежденія.

Съ этой стороны избраніе VIII-й симфоніи и помѣщеніе этой симфоніи отдѣльною частью, въ концѣ вечера, — будто главною, капитальною его половиною — скрашиваетъ всю программу. —

Исполненіе вокальных піесъ концерта прошло гораздо лучше, чѣмъ можно было ожидать, на первый разъ, отъ такого труднаго предпріятія, какъ хоръ изъ *любителей* пѣнія, въ Петербургѣ.

Случались, конечно, неровности во вступленіи голосовъ, въ генделевомъ хорѣ; многихъ оттѣнковъ еще недоставало, иное (напримѣръ, восклицаніе мужскихъ голосовъ «Тише» въ Лорелей) выступило слѣшкомъ громко, рѣзко. Но вообще все обстояло довольно благополучно, и впечатлѣніе можно назвать весьма-удовлетворительнымъ.

Между инструментальными піесами отлично исполнена была одна, — фортепіанный концертъ. А. Рубинштейнъ, по обыкновенію, явился на *своемъ* мѣстѣ, т. е. однимъ изъ первѣйшихъ современныхъ піанистовъ. Сыгралъ свой концертъ великолѣпно, такъ великолѣпно, что даже самое сочиненіе могло «показаться» музыкой. Оркестръ (подъ управленіемъ К. Шуберта) аккомпанировалъ чрезвычайно тщательно. Касательно сочиненія, нельзя не отдать справедливости многимъ довольно-эффективнымъ сочетаніямъ оркестра въ Анданте, энергіи финала съ очень-ловко-подведеннымъ напоминаніемъ изъ первыхъ частей концерта; но нельзя также не замѣтить чрезвычайной бѣдности изобрѣтенія вообще и грубой некрасивости заключительныхъ пассажей (при самомъ концѣ Coda, Schlussfiguren). Подобное произведеніе еще не даетъ композитору ни малѣйшаго права вообразить себѣ, что ему *до Бетховена* осталось «рукой подать», всего — одна станція, какъ кому нибудь, кто, напримѣръ, летитъ на почтовыхъ изъ Бердичева въ Петербургъ, и доѣхалъ уже до Стрѣльны.

Бѣда на почтовыхъ живо напомнить «presto-prestissimo», которое берется въ русской оперѣ, при исполненіи тамъ увертюры «Руслана». Но если г. Лядовъ беретъ движеніе такъ быстро, что вся увертюра сливается въ какой-то безразличный шумъ, въ которомъ ничего толкомъ разобрать нельзя, г. Рубинштейнъ, напротивъ, взялъ темпъ этого «Presto» нѣсколько-медленнее, чѣмъ *слѣдовало* по характеру увертюры, и значительно охладилъ ее. Это, впрочемъ, еще не особенно-важно. Увертюра «Руслана» должна была красоваться на программѣ концерта перваго, какъ представительница *русскаго* элемента, собственно-же говоря, выборъ такой не совсемъ счастливъ, потому что это произведеніе никакъ не изъ-лучшихъ Глинкиныхъ. Эта вещь не вдохновенная, а сдѣланная. Энергія и размахистость ея отзывается чѣмъ-то искусственнымъ, насильственнымъ. Зажигательнаго дѣйствія эта увертюра никогда и нигдѣ произвести не можетъ, даже и при болѣе тщательномъ исполненіи, нежели въ нынѣшній разъ.

Недостатки А. Рубинштейна, какъ дирижера, очень явственно выступили въ капитальной части концерта, въ симфоніи.

Для развитія музыкальнаго образованія и музыкальнаго вкуса (§ 1 устава общества) нѣтъ, разумѣется, ничего въ свѣтѣ полезнѣе, какъ слушаніе *симфоній Бетховена*. Но тутъ является

тотчасъ условіе необходимѣйшее: (conditio sine qua non): *превосходное, возможно-лучшее* исполненіе.

Общество создало это въ теоріи, (первый пунктъ § 2 въ уставѣ), но на практикѣ еще далеко отъ предназначаемой цѣли.

8-я Симфонія—одно изъ высшихъ чудесъ всей существующей въ свѣтѣ музыки—была въ нынѣшній разъ исполненіемъ рѣшительно искажена, т. е. не только что шла не въ примѣръ хуже, нежели въ отличныхъ концертахъ Пѣвческой капеллы (подъ опытнымъ управленіемъ Л. Маурера) или въ прежнія времена, въ бывшемъ Симфоническомъ обществѣ (подъ управленіемъ Альбрехта), но хуже, чѣмъ иной разъ въ Университетскихъ утрахъ (гдѣ Симфонія эта исполнялась *безъ* предварительныхъ репетицій).

Самое важное въ музыкальномъ исполненіи, т. е. *характеръ произведенія*, былъ утраченъ вовсе, потому-что положительно *отъ* темпы (особенно въ 1-мъ Аллегро, и въ Allegretto scherzando) были взяты *невѣрно, гораздо медленнѣе*, чѣмъ написано въ партитурѣ.

Для того, чтобъ дать публикѣ *настоящее* впечатлѣніе Бетховенской сонаты, не посадить же за ф. п. ученика, который старается только какъ-бы нибудь не сбиться съ такту и боясь ошибиться, возьметъ на всякій случай всѣ темпы *поспокойнѣе*, въ совершенный разладъ съ характеромъ сонаты?—Точно такъ и десятой, сотою доли *настоящаго* впечатлѣнія отъ Симфоніи, слушатели не получаютъ, когда вмѣсто *Allegro vivace e con brio* $\frac{3}{4}$ взято какое-то, весьма благочинное «Allegro non tanto,» безъ всякаго намѣка на живость, электричность (vivace) и па блестящестъ, щеголеватость (brio); когда и fortissimo превращено въ простое forte, и pianissimo въ mezzo-piano, и всѣ акценты стушоваются въ общей неясности,—когда вмѣсто тонко-граціознаго, деликатнѣйшаго, воздушно-легкаго ритма:

Allegretto scherzando

sempre staccato

для слуха является довольно-тяжеловѣсное:

Allegro moderato e serioso

Управленію оркестромъ, капельмейстерскому дѣлу надобно учиться много и долго; тамъ есть *своя* виртуозность, какъ и въ фортепіанной игрѣ, свои приемы и тонкости въ рукѣ, владѣющей капельмейстерскою палочкою, свои тайны магнетическаго вліянія на оркестръ. Все это отчасти—приобрѣтается, отчасти зависитъ отъ врожденнаго дара, и вовсе не каждый pianista можетъ вдругъ сдѣлаться и капельмейстеромъ.

Истинныхъ предводителей оркестра, истинныхъ музыкальных кормчихъ, а не гребцовъ (Stenermannen, keine Ruderknechte, какъ выразился одинъ изъ современныхъ великихъ артистовъ) теперь на свѣтѣ только трое:

Вагнеръ, Листъ и Берліозъ.

Первые два врядъ-ли бы поѣхали капельмейстерами чужамъ, въ Россію, — Берліозъ, напротивъ, очень бы легко

согласился на это, за порядочный гонорарій. Можетъ быть г. Рубинштейнъ со временемъ попривыкнетъ къ дирижерству, пойметъ настоящее значеніе капельмейстера и будетъ лучше вникать въ Бетховенскія намѣренія — но до сихъ поръ выказываетъ на все это даже очень мало надежды. Дирижеромъ талантливымъ, онъ, кажется, не рожденъ; между тѣмъ, только высокій *мастеръ своего дѣла*, капельмейстеръ первѣйшаго разряда долженъ стоять въ главѣ оркестра, когда надобно дать Бетховенскую Симфонію въ *возможно-совершенномъ* исполненіи.

Вотъ нѣсколько замѣчаній на первый разъ.

Остается поздравить Общество съ первымъ и, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ, удовлетворительнымъ концертомъ.

Полезъ Общество можетъ принести очень много, если пойдетъ хорошею дорогою.

Но желать надобно, чтобы оно никакъ не вредило ни концертному Обществу въ Пѣвческой капеллѣ, гдѣ Бетховенскія симфоніи исполняются *такъ тщательно*, ни большимъ концертамъ Театральной Дирекціи, которая распоряжается громадными оркестровыми и вокальными силами и, не имѣя надобности угождать вкусу одной какой-нибудь партіи, можетъ дать высокія и разнообразнѣйшія музыкальныя наслажденія тысячамъ посѣтителей, по обыкновенной театральной цѣнѣ. Чѣмъ больше обществъ, чѣмъ больше «симфоническихъ» концертовъ, тѣмъ лучше для пользы музыки. Слушатели всегда найдутся.

А. СЕРОВЪ.

О спектакляхъ общества литературнаго фонда.

Въ Высочайше утвержденномъ 7 августа сего года уставѣ общества, для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, предоставлено обществу, между прочими источниками его денежныхъ средствъ, устроить спектакли и концерты.

Общество объявило себя открытымъ 8 сего ноября, и избрало изъ числа своихъ членовъ-учредителей, на разныя должности по дѣламъ общества и въ члены комитета, — лицъ, извѣстныхъ въ нашей современной литературѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что спектакли будутъ самымъ обильнымъ источникомъ денежныхъ средствъ общества, потому что репертуаръ піесъ, находясь въ рукахъ лучшихъ дѣтелей современной нашей литературы, по всей вѣроятности, удовлетворитъ требованіямъ истинныхъ любителей и цѣнителей сценическаго искусства, число которыхъ очень значительно въ высшемъ слоѣ общества, замѣтно охладѣвшемъ къ русскому театру. Такимъ образомъ, обществу литературнаго фонда предстоитъ два подвига: оживить любовь къ отечественной сценической литературѣ, имѣющей у себя блистательныхъ и талантливейшихъ представителей какъ въ современныхъ писателяхъ, такъ и въ принадлежащихъ уже исторіи, и возбужденіемъ сочувствія въ обществѣ къ нашей сценической литературѣ, упрочить источникъ средствъ для достиженія самой цѣли общества.

Выполненіе піесъ на спектакляхъ общества также можетъ отличаться наибольшей художественностью, потому что здѣсь

возможно—соединенное участіе любителей-актеровъ и актеровъ нашихъ театровъ, въ сочувствіи которыхъ къ обществу и къ цѣлямъ его нельзя сомнѣваться.

Предоставленное обществу право устраивать спектакли, нельзя разсматривать какъ право каждаго частнаго лица устраивать у себя домашнія спектакли; общество имѣетъ официальное значеніе, и спектакли, которые оно будетъ давать, должны получить такой же характеръ.

Такимъ образомъ, у насъ является въ первый еще разъ въ столицѣ учрежденіе, имѣющее право на открытыя сценическія представленія. Это очень важно по отношенію къ искусству, потому что общество, какъ слѣдуетъ ожидать, не будетъ подчинено тѣмъ условіямъ, которыя остаются необходимыми при назначеніи пьесъ для представленія на Императорскихъ Театрахъ. Сценическая литература должна бы вообще находиться подъ тѣми же условіями, какъ и литература несценическая, иначе неизбеженъ упадокъ сценической литературы, чему примѣромъ служить Вѣнскій Театръ, гдѣ комедія обратилась въ полный, пустой фарсъ, драма—въ рядъ бессмысленныхъ и эффектныхъ сценъ, живое, поэтическое изображеніе человѣка и жизни—въ бездарную, уродливую каррикатуру.

А. Г.—ФОВЪ.

Почему нѣтъ театра у Евреевъ?

Исторія еврейской литературы начинается со временъ глубокой древности и доходитъ до настоящей современной намъ эпохи. Литература евреевъ, какъ и литература другихъ народовъ, имѣла свой самообытный характеръ и шла неразлучно съ политическимъ и гражданскимъ бытомъ народа, имѣя такимъ образомъ періоды высшаго развитія и упадка.

О современномъ состояніи еврейской литературы въ нашемъ отечествѣ, вообще судить трудно, по неимѣнію сочиненій о семъ предметѣ, но мы знаемъ, что литература эта не находится на высокой степени развитія, имѣя впрочемъ надежду на прогрессивный ея ходъ.

Однимъ изъ двигателей на пути развитія еврейской литературы въ Россіи, несомнѣнно, будетъ служить послѣдовавшее, съ Высочайшаго соизволенія, отъ 4 мая настоящаго года, дозволеніе евреямъ составить капиталъ на учрежденіе при Академіи Наукъ премій за лучшія по еврейской литературѣ сочиненія.

Такимъ образомъ еврейская литература пользуется въ нашемъ отечествѣ не только правомъ гражданства, но и правомъ поощренія, ручающимся за успѣхъ ея развитія. Но литература вообще немислима безъ театра, который является органомъ литературы, выражающимъ ея въ самыхъ высшихъ, совершеннѣйшихъ формахъ поэтическихъ произведеній.

О пользѣ и значеніи театра для литературы и вообще для общественной жизни евреевъ, мы паходимъ излишнимъ, говорить какъ о предметѣ, ясномъ безъ разсужденій. По этому ограничиваемся тѣмъ, что ставимъ вопросъ: почему нѣтъ театра у Евреевъ?

Приглашая интересующихся предметомъ къ разработкѣ этого вопроса, и предлагая нашъ журналъ органомъ мнѣній по этому предмету, мы примемъ на себя критическую разработку

всѣхъ статей, относящихся къ возбуждаемому вопросу, предполагая тѣмъ сообщить ему должную инициативу.

А. Г.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

Празднество юбилея Шиллера въ Одессѣ. — Германовскій. — Театръ, въ Ригѣ. — Парижскія новости. — Выходка Калыцадо. — Орфей. — Театральныя новости. — Вѣсти изъ Лондона. — Миссъ Лидія Томсонъ. — Вѣсти изъ Германіи. — Извѣстіе изъ Мадрида.

Въ прошедшемъ № нашего Вѣстника мы вскользь упомянули о празднованіи столѣтней годовщины рожденія Шиллера въ Одессѣ. Юбилей великаго поэта встрѣтилъ такое горячее сочувствіе во всей Европѣ и даже въ Америкѣ, что считаемъ не лишнимъ, извѣщать о празднованіи этого торжества у насъ въ Россіи. Мы уже писали какъ Нѣмцы и Русскіе отпраздновали этотъ юбилей въ Петербургѣ и Москвѣ; скажемъ теперь нѣсколько словъ и объ Одессѣ. — Вотъ что пишутъ объ этомъ празднествѣ въ Одесскомъ Вѣстникѣ: „Въ четвергъ, 29-го октября (10 ноября,) въ домѣ купца Алексѣева, собралось небольшое, избранное общество иностранныхъ консуловъ, негоціантовъ, артистовъ, ученыхъ и другихъ почитателей гения Шиллера. Скромное празднество открылось чтеніемъ пролога, написаннаго для этого случая на нѣмецкомъ языкѣ однимъ изъ участниковъ праздника, г. Дингельштетомъ и произнесеннаго г. Руфомъ. Прологъ этотъ, въ которомъ упоминалось о многихъ стихотвореніяхъ покойнаго поэта, окончился извѣстной строфой изъ *Пѣсни радости* Шиллера, въ переводѣ г. Бенедиктова:

«Всѣмъ простертыя объятія —

Люди, всѣхъ лобзаемъ васъ!

Тамъ надъ звѣзднымъ сводомъ, братья,

Долженъ быть отецъ у насъ.»

Общее одобреніе и выраженіе знаковъ сочувствія послѣдовало въ отвѣтъ на это чтеніе.

За тѣмъ исполненъ квартетъ Бетговена (*Es dur*). Музыка великаго композитора была выслушана съ глубокимъ вниманіемъ, равно какъ и произнесенныя затѣмъ стихотворенія Шиллера: *Водолазъ, истуканъ озъ Саисъ и раздѣлъ земли*; за тѣмъ Гг. Тедеско и Мейеръ сыграли на 2-хъ фортепіанахъ сонату Моцарта, который въ многомъ гармонировалъ съ свѣтлымъ воображеніемъ Шиллера. Въ заключеніе, г. Руфъ выразительно прочелъ балладу Шиллера *Рыцарь Топенбургъ*, подъ импровизацію Тедеско, на фортепіано. Вечеръ кончился ужиномъ, за которымъ провозглашены многочисленные тосты въ память Шиллера и въ честь распорядителей празднества. Рѣчи говорили: П. П. Сокальскій и австрійскій генеральный консулъ г. Ческини. Такимъ образомъ окончился въ Одессѣ этотъ артистическій праздникъ въ честь Шиллера.

Извѣстный виолончелистъ и ученикъ Серве, г. Германовскій снова пріѣхалъ въ Одессу и намѣренъ дать нѣсколько концертовъ.

Въ Ригѣ продолжаютъ давать трагедіи Шиллера, въ особенности *Вильгельмъ Тель*. — Возобновили еще старую драму: *Die Grabesbraut*, драму раздирательную, приводящую въ ужасъ до-

брыхъ нѣмцевъ. Подобные спектакли всегда даются по воскресеніямъ въ Ригѣ. Оперы давали все старыя.

Директоръ парижской итальянской оперы Кальцадо, не зная чѣмъ заманить публику, довольно мало собирающуюся въ его театръ, объявилъ недавно въ афишахъ, что намѣренъ дать новую оперу Россини, въ двухъ актахъ, подъ названіемъ: *Un Curioso Accidente* и получилъ по этому поводу отъ знаменитаго маэстро письмо, въ которомъ онъ возражаетъ противъ объявленной небывлицы, требуя немедленной оговорки въ афишѣ. На другой же день на афишѣ стояло: *Un curioso accidente*. опера въ двухъ дѣйствіяхъ, составленная изъ отрывковъ произведеній Россини.

Въ прошедшій разъ мы упомянули объ *Орфеевѣ*, представленномъ на Лирическомъ театрѣ. Опера Глюка, 86 лѣтъ тому назадъ производившая фуроръ, понравилась и нынѣшнему поколѣнію, не смотря на свои немного устарѣлыя формы. Большому успѣху оперы не мало содѣйствовали Берліозъ и г-жа Віардо. Берліозъ, страстный поклонникъ старой школы, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ музыкантовъ, постигшихъ тайну преданій. Онъ съ лихорадочнымъ рвеніемъ слѣдилъ за постепеннымъ изученіемъ партій, какъ будто дѣло шло о его собственномъ произведеніи. — Г-жа Віардо, можно сказать, вынесла всю оперу на своихъ плечахъ, превосходная пѣвица и чудная актриса, создавъ роль Орфея, вилела еще лавровый листокъ въ свой артистическій вѣнокъ. — Еще въ 1838 г. когда сестра знаменитой Малибранъ явилась въ первый разъ въ концертъ подъ покровительствомъ Беріо, о ней уже писали слѣдующее: «Довольно слышать разъ сестру незабвенной Малибранъ, чтобы удостовѣриться, что талантъ молодой пѣвицы достигъ полного совершенства. Идеальная прелесть, характеризировавшая покойную Малибранъ, искусство удивительно фразировать, отличное произношеніе, возвышенный стиль, энергія, глубокое и истинное чувство, все это мы нашли въ молодой сестрѣ великой артистки. Полинъ Гарсія предстоптъ блестящая будущность». На этотъ разъ предсказанія французскихъ критиковъ сбылись; слава г-жи Віардо гремѣла во всей Европѣ, и вездѣ гдѣ она пѣла, отдавали полную справедливость ея высокому таланту.» Ныгче голосъ знаменитой пѣвицы утратилъ много своей свѣжести и звучности, но г-жа Віардо владѣетъ священнымъ огнемъ, feu sacré, какъ говорятъ Французы, и потому талантъ ея всегда обоятельно дѣйствуетъ на зрителей. — Всѣ нумера пѣнія, исполненные г-жей Віардо вызвали громкія рукоплесканія, въ особенности большая сцена въ *Аду* и знаменитый романсъ: *J'ai perdu mon Euridice*. Постановка оперы самая роскопная; видно, что Карвалло не пожалѣлъ ничего, чтобы въ полномъ блескѣ представить публикѣ классическое произведеніе знаменитаго композитора.

На сценѣ Гимназіи готовится первое представленіе новой и давно возвыщенной комедіи Дюма-сына, *Le Père prodigue*.

Неутомимый Скрибъ читалъ недавно артистамъ театра Водевилля, свою новую піесу въ четырехъ актахъ: *La fille de trente ans*. Эту комедію остроумный драматургъ уже читалъ въ комитетѣ Комедіи, но тотчасъ же взялъ ее назадъ.

Знаменитый скрипачъ Сивори, находится въ настоящее время въ Парижѣ и намѣренъ устроить музыкальные сеансы классической музыки въ залѣ Бетховена.

Недавно вышла изъ печати книга Фетиса подъ заглавіемъ: *Nouvelle Biographie universelle des musiciens*.

Въ Лондонѣ театральная дѣятельность сосредоточивается на англійской оперѣ, занявшей Ковентгарденскій театръ. Болѣе

уже мѣсяца какъ эта труппа поетъ *Пюермея* на англійскомъ языкѣ; хотя очень трудно перевести на англійскій языкъ либретто комической оперы, однако либретто *Пюермея* немного измѣнилось отъ перевода. Первая пѣвица англійской оперы, миссъ Луиза Пайпъ очень хороша въ роли Диноры. Въ новой оперѣ Бальфа: *Сатанелла* дебютировала пріѣзжая пѣвица изъ Мадрита, г-жа Парена. Пылкая Испанка составила разительный контрастъ съ холодными, флегматическими англичанами, занимавшими прочія роли.

Всѣ полагали, что итальянскій сезонъ оконченъ, но къ большому удивленію любителей музыки *Times* возвѣстилъ пѣсколько прощальныхъ представленій съ Титъенсъ, Джульшии и др. на Дрюриленскомъ театрѣ. Исполнены: *Трубадуръ*, *Лукреція Борджиа* и *Марта*; г-жа Титъенсъ явилась съ большимъ успѣхомъ въ *Мартѣ*. Театръ во всѣ представленія былъ полонъ, но это было не то общество высшего полета, которое можно встрѣтить въ фешіонбелыныхъ театрахъ Лондона.

Драматическіе театры Лондона играютъ большую часть піесы, переведенныя съ французскаго. Театръ Сентъ-Джемсъ болѣе всего привлекаетъ эгегантную публику. Въ піесахъ *à travestisse ments* имѣетъ большой успѣхъ хорошенкая Лидія Томпсонъ, знакомая Петербургской публикѣ. Въ роли Фенеллы и въ нѣкоторыхъ характерныхъ танцахъ, миссъ Лидія Томпсонъ выказала большой талантъ въ водевиляхъ; игра ея очень кокетлива и развязна; не даромъ ее прозвали Лондонской Дежазе.

Въ циркѣ *Анастры* отличается искусный американскій волтижеръ Робинзонъ.

Въ Кристалльномъ дворцѣ былъ данъ концертъ въ память Шпора, въ которомъ исполнены исключительно его произведенія.

Знаменитая германская актриса Марія Зеебахъ послала въ Веймаръ большой лавровый вѣнокъ въ честь Шиллера; на каждомъ листкѣ было вышито золотомъ собственной рукой артистки названіе Шиллеровыхъ произведеній. Зеебахъ просила положить этотъ вѣнокъ на могилу Шиллера.

Нѣмецкій драматургъ Альбертъ Грюнъ, въ одной изъ своихъ драмъ, подъ заглавіемъ *Фредерика*, вывелъ на сцену любовныя отношенія Гете къ Фредерикѣ Бріонъ, дочери Зезенштеймскаго пастора.

Племянникъ знаменитой Малибранъ, А. Малибранъ издалъ недавно сочиненіе о Шпорѣ. Г. Малибранъ былъ ученикомъ и другомъ покойнаго композитора.

Въ Вѣнѣ гостятъ теперь два знаменитые виртуоза Вьетанъ и Дрейшокъ. Вьетанъ устроилъ здѣсь квартетныя утра. — Также большой успѣхъ имѣютъ концертъ молодой виолончелистки Розы Зукъ, своей игрой, напоминающей знаменитую когда-то Христіани.

Извѣстный вѣнскій скрипачъ Лзецеръ отправился въ южную Россію и намѣренъ давать концерты въ Кіевѣ.

Вышла въ Вѣнѣ изъ печати полная біографія Бетховена. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Мадрита увѣряютъ, что Гриси и Маріо имѣли огромный успѣхъ въ *Гуенотахъ*.

Воспоминаніе музыканта (Адольфа Адама).

Музыкантъ XVIII-го вѣка.

(Окончаніе).

При имени г. де-ла-Моплиньеръ, гости Рамо вскочили изъ-за стола и столпились въ безпорядкѣ, устремивъ глаза на

дверь, въ которую вошелъ маленькій толстякъ, въ бархатномъ кафтанѣ оранжево-краснаго цвѣта, съ золотыми шпурками.

— Какъ, г. де-ла-Поплиньеръ, сказалъ Рамо, вы удостоиваете меня своимъ посѣщеніемъ, не предваривъ заранее?

— Чортъ возьми, хороши ты братецъ, отвѣчалъ толстякъ; чтобъ предупредить надобно было тебя видѣть, а ты все гдѣ-то пропадаешь. Славную новость я узналъ! Ты хочешь написать оперу и былъ сегодня утромъ у мадемоазель Петина? Когда-же думаешь приняться за работу? Надѣюсь, первая проба будетъ у мепя? ты знаешь, мой оркестръ всегда къ твоимъ услугамъ. Что касается до переписки нотъ, то и это мое дѣло, пришли ко мнѣ что будетъ готово.

— Но все уже готово, отвѣчалъ Рамо; вѣдь скоро три мѣсяца, какъ я работаю надъ оперой.

— Какъ! все уже готово? А кто написалъ тебѣ слова?

— Аббатъ Пеллегренъ, за 600 ливровъ, которые потребовалъ впередъ, въ видѣ залога.

— Какъ! Плутъ Пеллегренъ стянулъ съ тебя 600 ливровъ? Да я велю моимъ людямъ отколотить его!...

— Всякій поступилъ бы такъ на мѣстѣ аббата; вѣдь онъ не знаетъ, способенъ ли я написать оперу и будетъ ли она принята.

— Дѣйствительно, твоя правда, отвѣчалъ Поплиньеръ, я очень благодаренъ аббату, что онъ отдалъ тебѣ либретто за 600 ливровъ. Когда увидишь его, приведи его ко мнѣ обѣдать. А какъ будетъ называться опера?

— «Ипполитъ и Арисія».

— Славный сюжетъ, великолѣпный сюжетъ! Когда же ты намѣренъ назначить первую пробу, или репетицію? Какъ это у васъ тамъ называется?

— Полагаю, черезъ недѣлю можно будетъ попробовать первый актъ.

— Итакъ, черезъ недѣлю. Прощай, Рамо, очень радъ, что познакомился съ твоимъ семействомъ. Твоя жена очень мила, а матушка весьма почтенна, прибавилъ Поплиньеръ, смотря на мадемоазель Ломбаръ.

— Мадемоазель де-Ломбаръ, поспѣшилъ сказать Рамо, нашъ другъ и сосѣдка.

— Извините, извините, мадемоазель, возразилъ толстый откупщикъ, желая загладить свою ошибку, и замѣтивъ нахмуренныя брови дѣвицы Ломбаръ; не сердитесь пожалуйста, что принялъ васъ за мать Рамо по лѣтамъ-то можно было подумать... А кто этотъ господинъ?

— Г. Дюмонъ, церковный староста.

— Очень радъ! а этотъ другой маленькій господинъ въ углу?

— Мой учитель, знаменитый Маршанъ.

— Чортъ возьми! Г. Маршанъ, вашу руку; очень радъ съ вами познакомиться. Надѣюсь, мы еще увидимся, вы пожалуете на мои концерты по пятницамъ?

Г. Маршанъ поклонился. Откупщикъ замѣтилъ, наконецъ, Базена, который съ самаго его появленія не переставалъ отвѣшивать поклоны.

— А это кто такой? спросилъ Поплиньеръ? Это олицетворенное *perpetuum mobile*.

— Это г. Базенъ, продавецъ свѣчъ и мой домохозяинъ.

— Итакъ, Рамо, сказалъ, прощаясь маленькій толстякъ, съ завтрашняго дня черезъ недѣлю я тебу жду; приводи съ собой Пеллегрена. Г. Маршанъ, васъ также ожидаю, *mesdames* честь имѣю кланяться.

По отъѣздѣ откупщика, Луиза бросилась въ объятія своего мужа.

— Мой другъ, сказала она, я должна попросить у тебя прощенія; я была очень несправедлива къ тебѣ.

— Мы все виноваты передъ вами, г. Рамо, прибавила мадемоазель Ломбаръ, и ошибались въ васъ. Не зная, что вы пишете оперу, ваше странное поведеніе возбудило въ насъ разные подозрѣнія, которыя къ счастью теперь совсѣмъ разсѣялись.

— Мои добрые друзья, сказалъ Рамо, я хотѣлъ скрыть отъ васъ цѣль моего труда. Теперь тайна открыта, не сердитесь на меня, что такъ долго ее хранилъ, я боялся упрековъ и совѣтовъ. Но теперь моя опера окончена, не хотите ли ее прослушать? Маршанъ и я попробуемъ исполнить главные отрывки, и вы намъ скажите свое мнѣніе.

— Съ удовольствіемъ, вскричалъ г. Базенъ, который былъ навеселѣнъ, я очень люблю музыку! Въ вашей оперѣ, вѣрно, есть застольная пѣсня?

Рамо отвѣчалъ улыбкой и повелъ своихъ гостей въ кабинетъ.

Маршанъ сѣлъ за клавесинъ; Рамо развернулъ передъ нимъ на пюпитрѣ партитуру своихъ пяти актовъ, и помогая Маршану то голосомъ, то скрипкой, онъ далъ слушателямъ понятіе о своей оперѣ. Хотя исполненіе такого гигантскаго произведенія двумя артистами было далеко несовершенно, но все-таки этотъ маленькій концертъ произвелъ большой эффектъ. Мадемоазель де-Ломбаръ объявила, что только Рамо и Люлли могли создавать такіа чудныя произведенія.

— Вы не могли мнѣ сдѣлать болѣе пріятнаго комплимента, сказалъ Рамо, обращаясь къ дѣвицѣ де-Ломбаръ; я самъ искреннѣйшій почитатель великаго Люлли. Всегда занятый его прекрасной декламаціей и неподражаемыми речитативами, я стараюсь ему подражать, не какъ копия, но принимая, подобно ему, за образецъ простую и прекрасную природу.

Г-жа Рамо плакала отъ радости и счастья; церковный староста Дюмонъ находилъ музыку превосходной, хотя въ глубинѣ души жалѣлъ, что такіе прекрасные мелодіи назначались для такого нечестиваго употребленія, тогда какъ изъ нихъ можно бы было сдѣлать прекрасные мотивы для душеспасенія его прихода. Базенъ, заснувшій на первомъ тактѣ, проснулся при шумѣ поздравленій, съ которыми друзья окружили Рамо; Базенъ также принялся поздравлять.

— Клянусь честію, я въ жизнь свою не слыхалъ ничего милѣе вашей музыки; правда, я никогда не былъ въ оперѣ; но всему есть начало; я рѣшился раззориться и непременно пойду слушать маленькую шутку г. Рамо.

Что касается до Маршана, онъ былъ въ восторгѣ.

— Любезный другъ, говорилъ онъ, я знаю васъ за искуснаго органиста, за весьма ученаго музыканта, но не считалъ васъ способнымъ такъ превосходно сочинять. Въ нашемъ произведеніи все ново; если оркестру удастся хорошо исполнить вашу музыку, эта опера произведетъ переворотъ въ музыкальномъ мірѣ; но это мнѣ кажется слишкомъ труднымъ. Въ удивительномъ тріо Парокъ, втораго акта, есть одинъ энгармоническій пассажъ, который заставитъ музыкантовъ порядкомъ потрудиться.

— Будьте покойны, отвѣчалъ Рамо, они справятся съ моей музыкой, когда разучатъ ее прилѣжно и терпѣливо. Помните, когда Люлли хотѣлъ писать свою первую оперу, въ Парижѣ было всего-на-всего двѣнадцать скрипокъ. Годъ спустя ихъ набралось двадцать четыре, а съ того времени мы сдѣлали большіе успѣхи. Будьте покойны, при повтореніи, все будетъ хорошо исполнено, я обо всемъ позабочусь.

На другой день г. де-ла-Понлиньеръ прислалъ за партитурой Рамо, чтобъ переписать ее. Рамо отдалъ только прологъ и первый актъ, полагая, что этого достаточно для пробы. Въ продолженіи восьми дней, употребленныхъ на переписку партій, Рамо обѣгалъ главныхъ пѣвцовъ и перепробовалъ съ ними всѣ аріи; чтобъ попасть тогда въ трушу Оперы, не требовалось быть великимъ музыкантомъ, даже не требовали искусства въ пѣніи: довольно было имѣть большой голосъ. Метода еще не была извѣстна и самыя высокія ноты исполнялись во все горло. Такъ какъ пѣвцы въ то время не умѣли читать нотъ, Рамо долженъ былъ наигрывать имъ аріи съ голоса.

Однако срокъ платы за квартиру давно прошелъ и Базенъ, не смотря на все свое удивленіе къ таланту жильца, заходилъ къ нему по временамъ напомнить о долгѣ; всѣ доводы Рамо очень мало его убѣждали.

— «Странно, право, сосѣдъ, говорилъ обыкновенно Базенъ, какъ такой человекъ какъ вы, не можетъ располагать какой-нибудь ничтожной суммой».

— У меня были деньги, отвѣчалъ Рамо, но я принужденъ былъ отдать ихъ въ видѣ залога, заплативъ 600 ливровъ г. Пеллегрену, въ случаѣ неуспѣха моей оперы; я увѣренъ, что операбудетъ имѣть успѣхъ, и отдамъ вамъ непремѣнно мой долгъ.

Пришлось Базену довольствоваться этимъ отвѣтомъ; но онъ былъ не совсѣмъ доволенъ и не скрывалъ своей досады всякій разъ, когда встрѣчался съ г-ж. Рамо.

Наконецъ насталъ день пробы. Г. де-ла-Понлиньеръ собралъ у себя цѣлѣ aristocratie и придворныхъ послушать музыку своего protégé. Рамо былъ очень извѣстенъ, какъ теоретическій музыкантъ, сочиненія его о *раздѣленіи инструментовъ* доставили ему славу болѣе въ академіи, чѣмъ въ свѣтѣ, и публика была не слишкомъ благопріятно расположена къ дебюту пятидесятилѣтняго человека на такомъ поприщѣ, гдѣ прежде всего нужны живость и свѣжесть воображенія. Увертюра во вкусѣ тогдашняго времени, испещренная фугами, произвела мало впечатлѣнія. Первый хоръ пролога: «*Assommez, habitants des bois*», былъ принятъ лучше; публика была въ недоумѣніи, высшіе сановники болѣе апплодировать, чтобы не окомпрометировать себя; слѣдующіе нумера прослушаны въ благочестивомъ молчаніи. Рамо, управлявшій оркестромъ, съ горестью видѣлъ: какъ дурно удается его попытка, въ чертахъ его изображалось уныніе; вдругъ, послѣ прелестной аріи: «*Plaisirs, doux vainqueurs*», въ одномъ углу залы кто-то вскопчилъ на табуретъ и закричалъ издалека:

— «Очень хорошо, превосходно, Рамо, обѣщаю вамъ огромный успѣхъ».

Всѣ оглянулись въ ту сторону, откуда маленькій человекъ такъ внезапно нарушилъ порядокъ репетиціи. Онъ уже успѣлся опять на своемъ мѣстѣ; перескопанный нарядъ его отличалъ въ немъ посетителя, незаконно прокраваившагося въ это блестящее общество, но Рамо вдругъ отвѣчаетъ ему съ своего мѣста:

— Благодарю, благодарю, г. Марпанъ, ваше одобреніе для меня дороже всѣхъ прочихъ, и я имъ удовольствуюсь.

При имени знаменитаго органиста, всякій понялъ всю цѣну похвалы, высказанной такъ откровенно, и по окончаніи хорошенькаго хора: «*A l'amour rendons les armes*», апплодисменты раздались со всѣхъ сторонъ. Неблагопріятное расположеніе слушателей перемѣнилось совершенно, и всѣ номера перваго акта приняты были съ громкою и заслуженной похвалою, Рамо осыпали со всѣхъ сторонъ поздравленіями, г. де-ла-Понлиньеръ сіялъ отъ радости. Вдругъ къ музыканту подошелъ

довольно бѣдно-одѣтый человекъ; онъ вынулъ изъ кармана бумагу, и разорвалъ ее, громко сказавъ:

— Г. Рамо! вы можете взять назадъ ваши 600 ливровъ; кто пишетъ такую музыку, тому не нужно давать залоговъ; вотъ вашъ ломбардный билетъ.

Зрители стали апплодировать поступку Пеллегрена, бѣдность котораго была всѣмъ извѣстна, и поэтъ раздѣлилъ похвалы, расточаемыя музыканту.

На другой день въ Оперѣ приступили къ репетиціямъ «Имполита и Арисин». Роли были распределены между первыми пѣвцами того времени: Шассе, Жельго, пѣвицами Леморъ и Петипа. Танцовщица Камарго хотѣла также участвовать въ оперѣ Рамо. Но не смотря на участіе этихъ знаменитостей, разныя интриги на долгое время замедлили первое представленіе «Имполита». Г. Тюрфъ наследовалъ г. Леконтю въ качествѣ директора Оперы. Музыканты оркестра употребили всѣ возможныя пронырства, чтобъ досадить новичку: Бламонъ, какъ главный управляющій королевской музыкой, получилъ позволеніе возобновить «*Les Fêtes grecques et romaines*», игранныя за десять лѣтъ предъ тѣмъ. При всемъ томъ первое представленіе «Имполита» назначили 1-го сентября, какъ вдругъ получено приказаніе дать нѣсколько концертовъ сряду, въ продолженіе августа мѣсяца въ Тюльрійскомъ дворцѣ. Репетиціи оперы опять отложены на цѣлый мѣсяцъ; Рамо напрасно упрашивалъ включить въ эти концерты нѣсколько арій изъ его оперы. Г. Бламонъ устроилъ дѣло такъ, что въ концертахъ исполнялась только его собственная музыка. Г. Понлиньеръ опять явился на помощь къ своему protégé.

Маркизъ Мирпуа долженъ былъ жениться на дѣвицѣ Бернаръ де-Ріе, внучкѣ знаменитаго Самуила Бернара, а по матери, внучкѣ извѣстнаго Грефа Булевиляе. Кавалеръ Бернаръ приготовлялся отпраздновать эту свадьбу съ неслыханнымъ великолѣпіемъ. Понлиньеръ выхлопоталъ для Рамо управленіе концертомъ, который былъ назначенъ въ числѣ праздниковъ. Свадьба совершилась 16 августа, въ отелѣ Кавалера Бернара, въ улицѣ *Neuve - Notre - Dame - des - Victoires*. Въ семь часовъ вечера фасадъ отеля освѣтился безчисленными ишалаками и вазами; но великолѣпная иллюминація не ограничивалась однимъ отелемъ; чтобъ освѣтить дорогу экипажамъ, вся стѣна сада *des Petits - Pères* была уставлена зажженными вазами, начиная отъ церкви до угла улицы; иллюминація продолжалась даже до улицы *Neuve - Saint - Augustin*. Можно представить себѣ весь блескъ этой иллюминаціи; когда мы скажемъ, что всѣ ишалки и вазы были наполнены бѣлымъ воскомъ, для избѣжанія дурнаго запаха, для безопасности дамскихъ нарядовъ и вообще нарядовъ всѣхъ гостей, которые проѣзжали подъ иллюминированными арками. Празднество началось концертомъ, который былъ въ самомъ дѣлѣ блистательнѣе; Рамо съ величайшимъ стараніемъ выбралъ искуснѣйшихъ исполнителей и лучшія музыкальныя піесы. По окончаніи концерта, гости перешли въ огромную залу нарочно построенную въ саду, гдѣ накрытъ былъ столъ «покоемъ» на семьдесятъ приборовъ. Въ продолженіе всего ужина мелодическія симфоніи улаждали слухъ гостей; по временамъ слышались трубы и литавры. Въ половинѣ ужина господа Шарпанье и Дангюи, знаменитые концертисты, одинъ на рожкѣ, другой на виолѣ, вошли въ полукружіе стола и исполнили піесы, нарочно на этотъ случай сочиненныя Рамо. Въ полночь всѣ отирались въ церковь *Saint - Eustache* также великолепно иллюминированную, какъ и отель.

Рамо выпросилъ себѣ согласіе у Форнуа, органиста этой церкви, играть на органѣ въ продолженіе вѣчанія. Рамо игралъ превосходно; и на другой день получилъ отъ Кавалера Бернара 1200 ливровъ за всѣ свои труды и хлопоты. Г. Базену было также давно заплачено, и г-жа Рамо была совершенно счастлива. Добрая дѣвица Ломбаръ раздѣляла ея радость. Много говорили о свободныхъ празднествахъ маркиза Муриуа, и превосходное исполненіе концерта дѣлало большую честь г. Рамо. Опера его должна была возвысить его еще болѣе, частныя репетиціи проходили очень удовлетворительно; но зависть не дремала: недоброжелатели-музыканты разглашали вездѣ, что музыка оперы страшная, безтолковая, неправильная и годится только для ученыхъ и для любителей странностей. Наконецъ настала и большая репетиція; несмотря на дурное расположеніе, возбужденное въ исполнителяхъ, все шло довольно хорошо до втораго акта, происходившаго въ аду. Но когда дошли до энгармоническаго тріо парокъ, музыканты вдругъ остановились и возстали противъ трудности этого пассажа, совершенно для нихъ новаго и небывалаго. Рамо спокойно попросилъ капельмейстера повторить;

— «Это невозможно разыграть», сказалъ капельмейстеръ.

— «Только съ перваго раза, отвѣчалъ Рамо; попробуйте еще разъ».

Во второй разъ шло также, какъ и въ первый, и третій разъ былъ также неудовлетворителенъ для композитора, музыканты начали роптать, когда ихъ просили начать еще снова; композиторъ настаивалъ, — капельмейстеръ объявилъ, что онъ пеналѣренъ разыгрывать подобную музыку, и наконецъ съ досадою бросилъ свою палочку на сцену, почти подъ ноги Рамо. Рамо, нисколько не смѣшавшись, толкнулъ ногою палочку такъ, что она покатила въ сторону капельмейстера и сказалъ:

— «Знайте, государь мой, что вы здѣсь только каменщикъ, а я — архитекторъ; извольте повторить снова».

Эта твердостью задачи непокорныхъ. Непреодолимую трудность на этотъ разъ одолѣли, и репетиція кончилась благополучно.

Въ то время, первая репетиція — была великимъ событіемъ. Въ Парижѣ существовали тогда только три театра: театръ оперы, театръ французской комедіи и театръ итальянской комедіи, и торжественныя первыя репетиціи были тѣмъ блестяще, что случались довольно рѣдко. Утромъ 1 октября 1733 г. весь Парижъ былъ въ волненіи.

Театръ Оперы былъ окруженъ безчисленными экипажами желающихъ получить ложи и пѣшеходами, жаждавшими достать билеты на вечеръ. Рамо едва успѣлъ получить кое-какую ложу для жены своей, для дѣвицы Ломбаръ и друга своего Маршана. Завистники Рамо, могущественные интриганы, съ своей стороны, позаботились размѣстить въ партерѣ своихъ сообщниковъ. Какъ сильно билось сердце бѣдной г-жи Рамо при первомъ ударѣ смычка увертюры; напрасно друзья старались ободрить ее; они и сами, можетъ быть, нуждались въ ободреніи, потому что съ перваго акта въ партерѣ начались сильныя проявленія коварныхъ интригъ; рѣдкіе аплодисменты, слышавшіеся въ началѣ исполненія, вдругъ прекратились, и до послѣднихъ тактовъ оперы царствовало молчаніе, прерываемое изрѣдка неодобрительнымъ ропотомъ. Маршанъ былъ взбѣшенъ; г-жа Рамо едва не падала въ обморокъ; дѣвица Ломбаръ не смѣла высказать своихъ мыслей, она видѣла кару не бесъ въ этомъ падеши оперы, и считала себя наказанной за то, что для театра почти забыла церковь. Рамо печально воротился домой.

— «Я ошибся, сказалъ онъ, думалъ, что музыка моя понравится. Нужно покориться, — я отказываюсь отъ театра.»

Постоянные посѣтители Оперы собрались въ фойе послѣ спектакля; никто не смѣлъ высказать своего мнѣнія музыкѣ, единодушно одобренной. Посреди этой многочисленной группы недовольныхъ одинъ только де-ла-Поплиньеръ старался защищать оперу своего *protégé*.

— Но, отвѣчали ему, многіе опытные музыканты не одобряютъ этой музыки.

— Пустяки! кричалъ откупщикъ, въ нихъ говорить зависть.

— Спросимъ одного изъ нихъ, сказалъ принцъ Конти.

Въ это время прошелъ мимо разговаривавшихъ Кампръ. Онъ былъ человѣкъ справедливый и не принималъ участія въ интригахъ, направленныхъ противъ Рамо.

— Кампръ, что вы думаете о музыкѣ Рамо? спросилъ принцъ.

— Ваше Высочество, отвѣчалъ музыкантъ, въ оперѣ Рамо есть довольно музыки, чтобы составить десять оперъ, подобныхъ тѣмъ, какими насъ ежедневно угощаютъ. Онъ всѣхъ насъ затмитъ.

Слова Кампръ быстро распространились и произвели переворотъ въ общемъ мнѣніи, и при слѣдующихъ представленіяхъ опера Рамо имѣла уже огромный успѣхъ.

Опера была сырана 30 разъ сряду, утѣшенный Рамо не отказался отъ театра и отдалъ на сцену Оперы болѣе 23-хъ произведеній — оперъ и балетовъ.

Послѣ огромнаго успѣха *Ипполита и Ариѣи*, бѣдный органистъ сдѣлался слишкомъ знаменитымъ, чтобы оставаться на своей скромной квартирѣ въ улицѣ Шантръ и однажды г. Базенъ съ неподдѣльнымъ горемъ узналъ, что жилецъ, къ которому онъ чувствовалъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе уваженія, намѣренъ переѣхать въ улицу *des bons-Enfants*, въ отель Эффиа, чтобы жить поближе къ Оперѣ, которой посвятилъ все свое время. Г-жѣ Рамо невыразимо грустно было разставаться съ доброй мадемоазель Ломбаръ, общество которой становилось ей съ каждымъ днемъ необходимѣе и дороже, такъ какъ увеличившіеся занятія ея мужа заставляли молодую женщину по цѣлымъ днямъ сидѣть одну дома. Рамо самъ предложилъ дѣвицѣ Ломбаръ жить съ ними, старушка согласилась, и осталась другомъ почтенной четы до самой своей смерти.

Почти всѣ произведенія Рамо имѣли большой успѣхъ. Одна изъ его оперъ, между прочими, *Кастора и Поллукса* имѣли такой огромный успѣхъ, что одинъ изъ его соперниковъ, Муре, сошелъ съ ума отъ зависти. Запертый въ Шарантонъ, онъ безпрестанно пѣлъ хоръ, демоновъ: *Qu'au feu du tonnerre*, изъ *Кастора и Поллукса*. Рамо былъ однимъ изъ величайшихъ музыкантовъ, когда либо существовавшихъ. Онъ одинъ только соединялъ двойное качество теоретика и композитора. Музыка его танцевъ имѣла такой успѣхъ, что долгое время ее постоянно исполняли въ Италіи. Одна изъ его оперъ, *Зороастръ*, была переведена на итальянскій языкъ и представлена въ Дрезденѣ съ величайшимъ успѣхомъ. Другая опера Рамо, *Platée*, доставила въ шесть представленій 32,000 ливровъ сбору. Въ 1747 г. комитетъ Оперы назначилъ Рамо пенсію въ 1,500 ливровъ, которой онъ пользовался до самой смерти. Кромѣ того онъ получилъ орденъ св. Михаила и дворянское достоинство, передъ самой смертію, послѣдовавшей 12-го сентября 1764 г.

Изъ музыки Рамо мы не слышали ни одной ноты; истинные хотя любители музыки, отыскивающие, какъ рѣдкость, старыя партитуры, находятъ въ музыкѣ Рамо мысли удивительно новыя и свѣжія для того времени, когда они написаны.